

Димитрий Кидонис
Монодия [1] на павших в Фессалонике [2]

1. Люди, избежавшие рук сородичей! Сколько я ни смотрю вокруг, я не могу, как подобает, описать город, в котором мы это пережили. Стены города стоят, но внутри сооружен трофеей победы над гражданами — и это вынуждает назвать его, как и беженцы называют обезлюдевший город, худшим, чем Стикс и Кокит [3] или земля варваров.

2. О все обнаруживающее и все скрывающее время! О несчастье, превзошедшее все исторические описания и все стихи! О молва, вынуждающая к молчанию всех пишущих повествования и сочиняющих монодии! Хвалить ли нам тех, кто решением судьбы жил в этом месте? Но ведь здесь мы видим и убийц, и тех, кто жесток по природе, кто вел войну против города. Или, может быть, нам проклясть город и объявить его преступным? Но ведь доблесть павших доказывает, что город достоин любой похвалы и молитвы. Кто же очернил доброе имя города? Кто не оберегал его до конца от всех (опасностей)? Кто пренебрегал тем, чтобы считать для себя вопросом чести его мудрость и человеколюбие? Кто смешал главное и второстепенное? Ибо кто до этих дней отчаяния и ужаса настолько превосходил всех других в красноречии, чтобы быть в состоянии, повествуя, сравнить город по величине с величайшим (из городов)? (Кто мог судить) о местоположении (города), самом красивом и благоприятнейшем, или об урожае плодов, превосходящем доход Египта?[4] Или о повсюду расположенных храмах и священных местах, столь больших и многочисленных, что нигде нет подобных им ни по величине, ни по количеству. Или о рынках, встречающих (гостей) со всех (концов) земли и заставляющих собравшихся недоумевать, в каком месте они находятся. Таким образом, жизнь здесь была такой, словно соединила (в себе) все (лучшее). Многие восхваляли другие гавани, но эта по достоинству превзошла все другие, будучи примером того, как одно и то же место является и городом, и гаванью; город не кончался на море, но там располагался другой город. И городские стены были более величественными, чем (стены) Вавилона. Гавань же, величайшая из всех, какие мы знаем, обеспечивает надежнейшую защиту и, охватывая город, словно руками, кажется, стремится с ним слиться. Разве вид города не успокоил бы недовольство? Разве не излечил бы он пострадавшего? И не склонял ли он любого гостя забыть родной дом?

3. Что же касается благочестия города и его служения Богу, то лучше это докажет молчащий, чем говорящий вслух. Ибо нет установленного времени для желающих отбить поклоны, а с тех пор как храмы открыты днем и ночью, можно много времени уделять

молитвам и быть спокойным в отношении того, из-за чего и пришел с просьбой. Среди остальных (проявлений) рвения и усердия (следует вспомнить) красоту жертвенных панихид, мастерство певцов и во всем, словно в музыке, гармоничность и стройность — все это лучше воспринимается, когда сам увидишь и испытаешь. И конечно, мы наблюдаем, что уважение к благочестию не пустяковое, ибо каждый просил для себя о самом дорогом: о снятии осады, об утолении голода, об излечении от болезней, о смерти правителей, нападающих с войском (на жителей города), о предсказании на будущее: «Лишь она (Фессалоника. — М. П.) одна будет непоколебима среди общего несчастья». Принимает и он (св. Димитрий. — М. П.) участие в нуждах города, вызывая восхищение им во всей ойкумене, как в ненаселенных, так и в населенных частях, и пребывая в городе, привлекает к себе отовсюду представителей самых разных (людей); он — спаситель города, примиритель горожан и защитник перед Богом. И не только это — он определяет управление добрыми правителями, снижающими городу налоги; сам же он сражается с внешними врагами, внушая ужас осмеливающимся поднять оружие против города. Таким образом, можно сказать, что город служил всем примером благочестия.

4. Кто видел где-нибудь более многочисленный и прекрасный хор риториков, философов и всех других, преуспевающих в науках? Именно здесь, в этом городе, составляют они то, что называют общей школой, и каждый из них здесь следует музам. Однако нельзя сказать такого, что если сейчас этой школе выпало первенствовать в искусствах, то при ее возникновении были лишь невежды. Нет, во все времена город был Геликоном [5], а побеждающие в области муз процветали здесь во все века, словно Геба [6], как говорят поэты. Можно сказать, что находящийся здесь словно бы проводит время в Афинах с Демосфеном и Платоном.

5. Но один этот день все сокрушил, лишил город венца (славы) и у всех вызвал подозрение к нему, ранее любимому, словно (обнаружились) подводные рифы. Откуда в мир проник раздор? Откуда пришел мятеж? Почему жители города, не уважая того, что полезно каждому, ссорясь, пожирали друг друга, кровью ближних запятнали родину, которая, как они благоразумно считали, должна быть для них выше, чем родители? Но они безумствовали и падали ниц перед правителями, не лучшими в отношении государственных дел, чем тираны. Земля (прежде) считалась нашей и возделывалась способными пахать. Но море было закрыто — и, таким образом, городам лишь в том случае можно было обладать им и немного передохнуть, если бы они отказались от своей свободы. Но те, которым следовало бы возмутиться, поскольку пределы их власти сократились, веселились, словно они увеличили свои состояния. И единственным лекарством от бед было обличать в несчастьях тех, кто принес жертву. Вряд ли кто среди происходя-

щего предвидел, что процветающее в городах зло искало того, кто позаботился бы о погибающих. И оно нашло человека, более мужественного, чем Геракл, более благоразумного, чем Пелей, более рассудительного, чем Фемистокл, подражающего в делах управления Киру.[7] Однако он был суровым законодателем по отношению к тем, кто не осознал (значения) спокойствия, и те, кто считал это невыгодным для себя, были недовольны его властью. Вследствие этого акрополь был захвачен людьми, которые имели намерение поработить народ насильем. В это время к сыну императора, скромному, мягкому и благородному человеку, были посланы люди [8] с просьбой о войске для того, чтобы удержать город, взъярившийся сам на себя, и для охраны их интересов, которые только он способен был спасти. Следовало тогда судьбе хотя бы ненадолго сохранить мир и не препятствовать воинам, несущим свободу. Тогда бы сейчас наш город вместо того, чтобы стенать, предавался бы празднеству. И пока наши граждане веселились бы, враги испытывали пришедшую беду. Это было бы справедливо по отношению к людям, и блага золотого века пришли бы к нам. Ныне же (о, как прихотливо поворачивает судьба наши благие пожелания!) граждане унижены, враги же вознесены. И прежде чем знамена показали перед воротами города, некий злой демон захватил все, что ему хотелось; и тогда простой народ, давно жаждавший крови, был поощрен дурными ораторами [9] к злым действиям. И поистине он бушевал, как, по описанию Гомера, бушует море, взволнованное противоположными ветрами [10]. С тех пор не было никакого закона, убивали даже первого встречного; через трупы добрались и до архонтов. Последние же, будучи разобщенными, предпочитали нападать на тех, кто им противостоял, и, в свою очередь, бороться с ними. Так возникла другая война, внутренняя, с тыла; и не было ничего иного, куда ни погляди. Затем подожгли ворота, и дым не давал войти внутрь находящимся снаружи, [11] как будто те, которым спешили на помощь, были осаждены (огнем). Те, кто находился внутри, открыли ворота человекоубийцам; они же устремились довершить полное разрушение города. Пока стратиот обнажал меч, случайно был схвачен тот, кто опытно управлял во многих делах многими людьми.[12] Раб не признавал более своего господина и, справедливо почитавший его ранее, теперь требовал подвергнуть того наказанию. Имея оружие и богатства, рабы и бедняки стали господами; для владевших этим ранее они считали подходящей участь рабов и, связав их, подвергали заточению, не разрешая им пользоваться и лучами света. Они врывались в дома, и весь город был разграблен и превращен в пустыню. Плакавшего из-за этого нечестивцы зарезали. О город, вместо того, чтобы быть единым — распавшийся на части, каждая из которых враждебна другим! О гражданственность, ненадежнее всякого моря! О граждане, более вероломные, чем варвары по природе! Они настоящие пираты на суше,[13] даже, пожалуй, хуже их, ибо те лишь отбирали собственность, но не лишали жизни, а эти внезапно, словно подхваченные смерчем, доводили до

состояния нищеты человека, способного на свои личные средства содержать войско. Неумеренность их в том, что, лишая собственности, они негодуют при мысли, что, оставшись живыми среди других людей, их жертвы припоминают им свои несчастья.

6. О попранное здравомыслие! О заблуждающееся безрассудство! Конечно, некоторые люди и тогда быстрее огня обратились к справедливым делам. Но никто не мог быть уверенным (в успехе) — ни принадлежавший к правящему роду, ни выполнявший большие и многочисленные государственные обязанности, ни умевший приноровиться ко всем. Словно смерть была предсказана многим, так дрожали от страха, считая, что они будут жертвой эриний. Одни не могли вынести даже вида этого, другие прятались под постелями соседей. Некоторые спускались в колодцы, [14] другие же, припадая к алтарям, нигде не находили пристанища от страха. Были и такие, кто, не испытывая отвращения к ранее умершим, раскрыв гробы, прятались под трупами, уже гниющими, и не дышали, если кто-то проходил мимо; но даже они не могли избежать преследователей, оскверняющих могилы. Вопли в жилищах; и тот, кто вчера копал землю ради обола, сегодня обогащается, снеся до основания весь город. Даже пища стала роскошью для тех, кто утолял жажду водой родников. Грохот и пыль возвещают о рушащихся поодаль стенах, погребаящих под собой женщин и детей. Выжившим было еще труднее спастись, поскольку они видели, что спасение небезопасно, так как столкнулись с другим испытанием, когда от них потребовались богатства Креза. И куда бы ни бросалась девушка, избегавшая доселе глаз мужчин, она все равно погибала, обнаженная их кнутами. О безумие, позволяющее людям называться чистыми после того, на что они решились! О сколько было совершено, сколько к этому было добавлено!

7. По сравнению с прежними злодеяниями предстояли еще более нечестивые. И преобладанием ужасного предыдущие злодеяния затмеваются последующими. Какую большую месть можно найти столь выдающимся людям, чем темница, или раны от удара кнутом, или оковы, словно они преступники? Кто бы, увидев этих страдальцев, не был бы поражен до глубины души и потери рассудка и, будучи осторожным к поворотам судьбы, не оказал бы им помощь и не положил бы конец этому? Но даже этим не были удовлетворены преступники: им было недостаточно, пока они не присоединили к злодеяниям некую нечеловеческую трагедию. Они выводили раздетыми в (одних) нижних одеяниях тех, кто ранее не раз сражался за свою свободу и свободу города, и тащили с веревками на шее, точно рабов. Здесь раб гонит своего господина, невольник — того, кто его купил, селянин — стратига, земледелец — стратиота. На того, кто много раз защищал родину на свои собственные средства, обрушивали зло нищий и те, кто стал преступником вследствие

(собственной) лени. И так, их вели туда, где они должны были принять кровавые муки.

8. О город, в котором от подобных дел пляшут злобные духи! О стены, какие башни пристроили к вам из умирающих людей! О крепость, с которой часто (ранее) те бросали врагов; и от побед они пострадали более мучительно, чем от поражений! И вот они вели их на стены со связанными руками, как преступников. И переворачивалась душа, когда они видели приближающуюся кончину. Одни подгоняли тех, кто ослабел, другие вспоминали о деньгах. Некоторые же надеялись только на великодушие. И тогда они напоминали тащившим их то доброе, что было ими сделано; те же раздражались, когда им напоминали о хорошо обращавшихся с ними. Были тщательно обшарены дома, сточные канавы, подвалы, могилы — все, что могло быть укрытием.[15] Тех, кого хватали, утаскивали прочь; другие же, видя это, бежали из города, ставшего вражеским, и сами бросались с (городских) стен наружу, выгадывая этим только то, что их не могли убить, как убивают преступников. Не было никакой возможности избежать смерти. Вопли и слезы повсюду — у тех, кого волокут, преследуют, топчут, хватают, режут.

9. С какой трагедией это можно сравнить, с какими бедствиями городов? Какие поэты смогут сочинить строки, соответствующие этим бедам? О все видящее солнце, видело ли ты прежде подобное? Почему же ты посылаешь лучи, когда все отвратительнее ночи? Как только они перерезали людей у башен, город разделил совершаемое зло: одни становились служителями жестокостей, другие наслаждались, будто при виде зрелищ. У одного была разбита голова, у другого сочился мозг. Разрывая живот, они касались того, что велением Бога не позволено видеть. У одного они повредили бедро, у другого сломали позвоночник, у третьего вытаскивали руками внутренности. Тот, кто падал сверху, прежде чем достигнуть земли, попадал на мечи и погибал; хуже было тем, кто еще не был сброшен, видеть такую смерть и по телам своих друзей представлять, что будет с ним самим после падения. Если же кто-то, упав, оставался полуживым и просил убийцу пощадить его, то принимал смерть более медленную и более жестокую. Тех, кто был уже мертв, не замечали. Но против тех, кто еще дышал, подымалась каждая рука. Они убивали всех и различными способами. Для многих даже смерть не обеспечивала покоя их телам. Словно злясь на трупы, что они целы, убийцы делали их неузнаваемыми, чтобы после этого родственники не могли их найти. Тела бросались на тела, повсюду мозги и кровь, пепел и внутренности, камни, мясо и сухожилия, палки и куски тел.

10. О более палачи, чем граждане! О нечистые души! О более нечистые руки! Как не были они поражены, когда взяли в руки оружие против братьев и друзей, за которых они сами должны были умереть,

сражаясь? Как падение первой жертвы не умерило их страсти? Как вторая жертва не потушила их гнева? Как не сломилась у них душа, когда они увидели третью и, напротив, были даже рады ожесточиться против (человеческой) природы? О, как это следует назвать? Победой, которая суровой всякого зла? Сказкой будут считаться кадмова победа, лемносские злодеяния, все преступления, бывшие до этого дня. О те, для которых родина одновременно и могила! О те, кого подхватывает и поглощает, словно волной буря! О родина, исказившая даже имена тех, на кого она поднялась более вероломно, чем Сцилла![16] О кровь граждан, так несправедливо пролитая на родной земле! О город, более горький, чем весь Стикс! О, как казалось, что город наказывал других, а между тем он сам себя приговорил к тому, что произошло, и сам страдал от действий безумцев, которые терзали самих себя, думая, что терзают других! Когда пал воин, не стало никого, кто был бы способен отразить врагов; уже не будет того, кто мог бы посоветовать, что делать. Теперь враги продвинулись вперед; те же, кто в городе дерзает против подобных себе, содрогнутся, увидев войско, сверкающее перед воротами. И когда оно нападет, те не выдержат, и город будет принадлежать победителям. И тогда поймут, что сами страдают от того, что сделали другим. Это заметят все, как видят непривычные звезды, сияющие днем, словно факелы, и как замечают сотрясение земли. О всеобщее крушение! Я же теперь почитаю и удары молнии, и ураганы, и расселины в земле, и болезни, которые хотя и делают смерть более приятной, но погубят этих несчастивцев.

11. О убитые! О убиваемые! О те, кого убьют! О оставшиеся в живых! Я считаю, что положение последних не лучше, чем тех, кто ушел из жизни, ибо им остались лишь мучения. Они отовсюду услышат хулу и, словно пораженные проклятьем, будут изгнаны; когда будут искать сочувствия, услышат брань человекоубийц и будут вынуждены скрывать, откуда они. О город, ранее умножавший честь горожан, а теперь окружающий все долгим позором! Что мы ответим порицающим тебя? То ли молчать, поскольку родина так постыдно оскорблена; то ли рьяно защищать обнаружившиеся в нем дела? Почитатели мудрости будут ненавидеть дикость и бросят это в лицо граждан. А те, кто хорошо знает свои собственные злодеяния, будут молчать перед судом. И все будут бежать прочь от этого города, словно есть опасность заболеть в этих краях. Самые отвратительные из всех людей, прекрасно же вы оплатили родине за воспитание — по справедливости вы должны ей больше, чем своим родителям. Город даже не имеет имени из-за того, на что вы осмелились. О чума среди нас! О событие, поднявшее друг против друга людей, живших вместе! Теперь нам следует лишь просить Бога, чтобы он распростер свою руку и снова населил город.[17] Теперь нам следует лишь ждать того, кто заполнит эти опустошения. Что же касается

людей, то они его разрушили, они же и убежали из него с ненавистью.

Примечания

1. Монодия — литературное сочинение риторического жанра, выдержанное в духе траурной оды. О жанре монодии см.: Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner, 1, 132—145; Hadzis D. Was bedeutet «Monodie» in der byzantinischen Literatur. - Byzantinische Beiträge. Grundungstagung der Arbeitsgemeinschaft Byzantinistik in der Sektion Mittelalter der Deutschen Historiker-Gesellschaft IV. 1961 in Weimar. Berlin, 1964.

2. Перевод «Монодии...», выполненный по изданию Ж.-П. Миня (30, 1863. Т. 109. Со1. 639—652) был опубликован в «Византийском временнике». См.: Поляковская М. А. Освещение фессалоникийского восстания 1345 г. в памятнике риторической литературы. — ВВ. 1987. Т. 48. С. 79—83. См. также перевод «Монодии...» на английский язык Д. Баркера: Barker J.W. The «Monody» of Demetrios Kydones on the zealot rising of 1345 in Thessaloniki. - Essays in memory of B. Laourdas. Thess., 1975.

3. Стикс — река в царстве мертвых. Кокит — одна из рек в царстве мертвых, отличающаяся ледящим холодом.

4. Вторая часть главы 2, а также главы 3 и 4 в соответствии с каноном жанра монодии представляет эпикомий оплакиваемому городу.

5. Геликон — город в Средней Греции, на юге Беотии, где, согласно мифам, обитали музы, покровительствовавшие искусствам. На Геликоне находился источник, возникший от удара копыта крылатого коня Пегаса.

6. Геба — в греческой мифологии богиня юности, дочь Зевса и Геры.

7. Речь идет о правительственном наместнике Иоанне Апокавке, который после убийства Михаила Палеолога сосредоточил в своих руках всю власть в городе. .

8. Иоанн Апокавк после убийства его отца Алексея Апокавка, бывшего в этот период противником Иоанна Кантакузина, вступил в переговоры с сыном последнего Мануилом.

9. Вероятно, имеются в виду обращенные к жителям прибрежного района города речи вождя зилотов Андрея Палеолога и его сторонников. См.: Joannis Cantakuzeni historiarum libri IV. - Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1828-1832, II, 576.1—3.

10. Ср. с описанием Иоанна Кантакузина: «Ропот и шум раздавались во всем городе... Возле моря видны были многочисленные факелы. Слышен был ужасный шум и смутный рокот» (Joannis Cantakuzeni historiarum libri IV. - Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1828-1832, II,

577.7—II). Наблюдающаяся у обоих авторов ассоциативная близость описываемого с состоянием моря накануне бури, возможно, определяется тем, что восстание началось именно в приморских кварталах.

11. Как известно, Иоанн Апокавк со своими сторонниками удалился в цитадель вслед за отказавшимся защищать знать гарнизоном (Joannis Cantakuzeni historiarum libri IV. - Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1828-1832, II. 578.9—579.1). Поджогом ворот крепости было закрыто сообщение между городом и цитаделью (Там же, 579.7—9).

12. Иоанн Апокавк.

13. Сравнение восставших с пиратами, возможно, навеяно тревогой в связи с нависшей над городом постоянной опасностью извне. Иная интерпретация этого фрагмента предложена Д. Баркером: сопоставление восставших с пиратами понимается им как намек на участие моряков в зилотском движении.

14. Друг автора «Монодии...» Николай Кавасила был одним из тех, кому удалось избежать расправы, спрятавшись в колодце акрополя. Несомненно, это было известно Кидонису, как явствует из его более позднего письма.

15. Вторая часть главы 8 и глава 9 описывают те события восстания, которые обычно называются резней 1345 г. Описание их см. также: Joannis Cantakuzeni historiarum libri IV. - Cura Ludovici Schopeni. Bonnae, 1828-1832, II, 580.

16. Скилла (Скилла) — морское чудовище с женским лицом и телом, опоясанным шестью собачьими головами. Она подстерегала мореходов в пещере крутой скалы У узкого пролива, по другую сторону которого жило другое чудовище — Харибда.

17. В соответствии с литературным каноном всякая монодия должна была завершаться утешительным пассажем, называемым иногда *paramythetikon* или *protreptikon*. У Димитрия Кидониса, отразившего первые впечатления аристократа, связанные с гибелью близких ему по положению земляков, не находится слов утешения. Данью традиции можно считать лишь сдержанную по тону фразу: «Теперь нам следует лишь просить Бога, чтобы он распростер свою руку и снова населил город.»

Перевод и примечания М.А. Поляковской.

Воспроизведено по изданию: Димитрий Кидонис. Монодия на павших в Фессалонике// Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. - СПб.: Алетейя, 1998.